

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1987

Сборник статей

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л. С. ЧИКОЛИНИ

Москва
«НАУКА»
1987

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
2	3 сл.	А. В. Ревякин	Г. С. Кучеренко
76	8 сл.	féforme	réforme
81	11 сл.	Thédrie	Théorie
173	6 сл.	el	et
173	12 сл.	sclete	scelte

Заказ № 3083

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2011-2013](http://istmat.info/node/29200)

СТАТЬИ

А. Э. Штекли	Энгельс и английский перевод «Коммунистического манифеста» (1850)	3
А. В. Ревякин	Этьен Кабе о французских буржуазных революциях	25
К. М. Андерсон	Мексиканский проект Роберта Оуэна	47
Г. В. Аксенова	Барбье и Керар об авторе «Кодекса природы»	69
С. Я. Карп	Бриссо об «Утопии» Томаса Мора (80-е годы XVIII в.)	76
Э. И. Валлич	Проект аграрной реформы Огилви	86
Е. К. Кузьмичева	Идея справедливости в трудах Б. Х. Фейхоо-и-Монтенегро	100
В. Ф. Мордвицев	«Синания» — испанская утопия неизвестного автора	112
Т. А. Цавлова	О зарождении коммунистических воззрений Уинстэтли	129
В. Д. Балакин	Община в утопии Андреэ	154
Л. С. Чиколлини	«Политические афоризмы» Кампанеллы	172
О. Ф. Кудрявцев	Гуманистические представления о справедливости и равенстве в «Утопии» Томаса Мора	197
Ю. К. Некрасов	Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имущества	215

ИСТОРИОГРАФИЯ

И. Н. Осиповский	Исследование или памфлет? (О книге Дж. Ридли «Государственный деятель и фанатик. Томас Уолси и Томас Мор». Л., 1982)	235
------------------	--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

В. М. Володарский	Ганс Гергот и утопия «О новом преобразовании христианской жизни» (Вступ. ст., пер. с нем. и коммент.)	252
-------------------	---	-----

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Ревякин	А. Р. Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М.: Наука, 1983. 272 С.	274
О. Ф. Кудрявцев	G. M. Logan. The meaning of More's «Utopia». Princeton: University Press. 1983. 296 p. Дж. М. Логэн. Значение «Утопии» Мора. Принстон. 1983. 296 С.	279

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

«Политические афоризмы» Кампанеллы

Характеристике политических воззрений Кампанеллы в трудах советских историков, несмотря на интерес их к творчеству утописта, уделялось сравнительно небольшое внимание. После давних (но во многом не устаревших и поныне) работ М. М. Ковалевского и И. И. Квачалы¹ на русском языке появлялись лишь отдельные очерки на данную тему². В зарубежной, особенно итальянской, историографии, напротив, внимание к политической доктрине Калабрийца издавна было пристальным. О нем создана обширная, но весьма противоречивая литература. Разногласия исследователей вызывались не только собственной социальной позицией или уровнем знаний предмета в ту или иную эпоху, но и своеобразием суждений самого Кампанеллы. Организатор антииспанского заговора в Калабрии, бунтарь и еретик, более 30 лет проведенный в застенках Неаполя и Рима, создатель знаменитой утопии «Город Солнца» (благодаря которой имя Кампанеллы и обрело такую славу) был, как известно, также автором многочисленных трактатов, в которых ратовал за установление всемирной христианской монархии, призывая народы объединиться под властью папы и испанского короля. Неудивительно, если Калабрийца порой сравнивали с двуликим Янусом, полагали, что вопрос об истинных его воззрениях решить невозможно³.

Многие историки XIX в., сомневаясь в участии философа в заговоре против Испании, считали его сторонником средневековой теократии и папства⁴. С такой оценкой решительно не был согла-

¹ Ковалевский М. М. Развитие идей государственной необходимости и общественной правды в Италии: Ботеро и Кампанелла // Вопр. истории и психологии. 1986. Янв. С. 145—167; Квачала И. И. Фома Кампанелла // Журн. М-ва нар. просвещения. 1906. Окт.; 1907. Янв., май, авг., дек.

² См.: Чиколони Л. С. Социально-политические воззрения Кампанеллы: Канд. дис.: Рукопись. М., 1946; Рутенбург В. И. Кампанелла. Л., 1956; Штекли А. Э. Кампанелла. М., 1959; Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. Л., 1969; Он же. «Город Солнца» и «Монархия Мессии»: (О политической утопии Томмазо Кампанеллы) // Вопр. истории. 1970. № 10; Он же. Неизвестный автограф Томмазо Кампанеллы // Европа в средние века: Политика, культура. М., 1972; Баткин Л. М. Парадокс Кампанеллы // Вопр. философии. 1971. № 2. Важное значение имела публикация русского перевода «Города Солнца» под редакцией В. П. Волгина, дополненная переводом двух разделов сочинения Кампанеллы «Вопросы о наилучшем государстве». См.: Кампанелла. Город Солнца. М., 1954.

³ Berti D. Tommaso Campanella // Nuova antologia di scienze, lettere ed arte. 2 ser. 1878. Vol. XI. 15 lugl. P. 201—227, 15 ag. P. 605—616; Vol. XII. 1 ott. P. 391—415.

⁴ D'Ancona A. Della vita e delle dottrine T. Campanella // Campanella T.

сен выдающийся исследователь и эрудит Л. Амабиле, создавший теорию о притворстве заключенного в каземат узника. Только «Город Солнца», полагал он, отражает «совокупность тайных идей фра Томмазо», остальные произведения написаны им с целью выбраться из рва замка Сан Эльмо и обрести свободу. Кампанелла был «постоянным притворщиком, поскольку оставался постоянным заговорщиком». Вынужденный всячески оправдываться, вплоть до самой смерти обманывать ради великой цели, он пришел к тому, что не только скрывал собственные мысли, но высказывал такие, которые в действительности не могли ему принадлежать⁵.

Концепция Амабиле, доказавшего не только участие, но главенствующую роль Кампанеллы в калабрийском заговоре, подкрепленная изданием ценнейших источников, оказала большое воздействие на последующие исследования. Она повлияла и на известного знатока темы профессора Юрьевского университета И. И. Квачалу. Последний, однако, внес в теорию Амабиле существенные коррективы: жизненные обстоятельства, полагал он, заставили Кампанеллу не только лгать и притворяться, но и пойти на компромисс, искать союза с бывшими врагами, папой и императором; при их помощи он надеялся осуществить великие преобразования мира. Политические произведения доминиканца содержат, таким образом, его мысли, искренние и лицемерные одновременно⁶.

Дальнейшее изучение жизни и творчества Кампанеллы не сняло разногласий в их оценке. Не ставя задачей дать развернутый историографический обзор, ограничимся несколькими примерами. Достаточно противоречивые суждения о Калабрийце высказали итальянские исследователи, специально занимавшиеся его политическими трактатами в 20—30-е годы нашего века. В предстании Ч. Дентиче ди Аккадия, Кампанелла — патриот, стремившийся к освобождению и объединению родины путем создания «универсальной монархии» во главе с папой. Он вовсе не «коммунист», его желание — воскресить «естественное государство»⁷. Патриотом и «националистом» выступает Кампанелла в трудах Р. Де Маттеи, который также отрицал коммунистические представления Калабрийца, увидев в нем предтечу буржуазных мыслителей⁸. А для П. Тревеса Кампанелла — убежденный сторонник папства («для которого он работал, „как солдат для коман-

Opere scelerate, ordinate et annotate da Alessandro d'Ancona e precedute da un discorso del medesimo sulla vita e le dottrine dell'autore. Torino, 1854. Vol. 1. (Далее: Opere); Daresta A. C. Thomas Morus et Campanella, ou essai sur les Utopies contemporaines de la Renaissance et de la Réforme. P., 1853; Baldacchini M. Vita di Tommaso Campanella. Napoli, 1847; Spaventa B. Saggi di critica filosofica, politica e religiosa. Napoli, 1867.

⁵ Amabile L. Fra Tommaso Campanella, la sua congiura, i suoi processi e la sua pazzia. Napoli, 1884. Vol. 1. P. V. 221, 378, 390.

⁶ Квачала И. И. Указ. соч.

⁷ Dentiche di Accadia C. Campanella. Firenze, 1934.

⁸ De Mattei R. La politica di Tommaso Campanella. Roma, 1928; Idem. Studi campanelliani. Firenze, 1934.

дира“»). Политические построения Калабрийца Тревес сводил к трем положениям — универсальная монархия, папство и империя — и пытался доказать, будто «Город Солнца» не имеет отношения к истории социалистической мысли. Кампанелла, по его мнению, выступал как предвестник «демократических теорий будущего», грезил о золотом веке, образами которого явились монастырь и церковь⁹.

Суждения о Кампанелле как философе католической реставрации получили широкое распространение в реакционной и клерикальной историографии послевоенного времени. Так, Р. Америо отрицал значение «Города Солнца», объявив его второстепенным, случайным произведением фра Томмазо. Сосредоточив внимание на изданиях его богословских трудов, Америо выступил с теорией об искреннем прозелитизме доминиканского монаха, вернувшегося в лоно католической церкви, свидетельство чему находил и в его политических трудах¹⁰. В том же духе трактовали воззрения Кампанеллы Ди Наполи, Корсано и др.¹¹ Критика этих концепций содержится в работах советских историков¹².

Более осторожно формулировал свою точку зрения известный исследователь Кампанеллы Л. Фирпо. Признавая важное значение «Города Солнца» — главного произведения Калабрийца Фирпо не отрицал и роли его политических трудов, находя между ними точки соприкосновения. С таким заключением нельзя не согласиться. Однако и Фирпо делает акцент на искренней приверженности Кампанеллы папству и его стремлении создать всемирную теократическую державу¹³. Примерно в таком же духе политические воззрения утописта толкует немецкая исследовательница Г. Бог¹⁴.

Советские и зарубежные марксистские историки видят в Кампанелле передового, хотя очень своеобразного, мыслителя первой трети XVII в., подчеркивают значение его утопии и пантеистической философии¹⁵. Однако и среди них нет единодушия в оценке политической доктрины Кампанеллы.

Так, спор о воззрениях утописта, начавшийся еще при его жизни¹⁶, не прекращается и в наши дни. Борьба мнений приоб-

ретае порой политическую остроту из-за тенденции ряда историков включить выдающегося философа XVII в. в число поборников реакции.

Выяснение сущности и подлинного смысла политических воззрений Кампанеллы, их роли в истории общественной мысли XVII в. сохраняет, таким образом, важное значение. Согласуются ли они с его деятельностью в Калабрии, где была предпринята попытка свергнуть власть испанских поработителей, с его еретическими выступлениями и сенсуалистической философией? Не противоречат ли они «Городу Солнца», в котором развиты утопическо-коммунистические представления? Кто из историков ближе к истине в понимании сути творчества Калабрийца — сторонники теории притворства или те, кто полагал, что узник инквизиции всерьез задумывался о возможности использовать папу и светских государей для осуществления своих планов? Решение этих непростых вопросов возможно лишь на основе тщательного анализа его политических трудов, сопоставления их с «Городом Солнца» в тесной связи с изучением конкретной исторической обстановки, в которой жил мыслитель. Только в этом случае, думается, станет яснее, почему трактаты Кампанеллы, будто бы написанные в пользу папы и испанского короля, не встречали одобрения с их стороны, решительно запрещались и уничтожались, а их автора продолжали держать в темнице.

* * *

Политическим проблемам Кампанелла посвятил, как известно, специальные сочинения: «Об испанской монархии», «Речи к итальянским князьям», «Политические афоризмы», «Вопрос о наилучшем государстве», «Против венецианцев», «Рассуждение о свободе и счастливом подчинении церковному государству», «Монархия Мессии» и многие другие. Эту проблему он не упускал из виду, создавая большие философские и богословские труды, такие, как «Реальная философия», «Побежденный атеизм» и т. д. Политические сюжеты затронуты во многих стихотворениях и письмах «вечного узника». Разумеется, важнейшее место в этом перечне занимает «Город Солнца».

Как правило, в этих сочинениях Калабриец поднимает конкретные вопросы, касающиеся политической, религиозной и культурной жизни европейских стран, что свидетельствует о его стремлении принять самое активное участие в идейной борьбе своего времени, оказать влияние на ход событий не только в Италии, но и на всем континенте. Кампанелла доказывает, убеждает, полемизирует. Он не всегда последователен и систематичен, но проявляет эрудицию, осведомленность в практических делах, знакомство с реальной жизнью.

Из всех политических произведений два отличаются по своему характеру от других — это «Город Солнца», в художественной

⁹ Treves P. La filosofia politica di Tommaso Campanella. Bari, 1930.

¹⁰ Amerio R. Campanella. Brescia, 1947; *Idem*. La politica di Campanella // Rivista di filosofia neo-scolastica, fasc. IV—V. Milano, 1928. P. 3—19.

¹¹ Di Napoli G. T. Campanella filosofo della restaurazione cattolica. Padova, 1944; Corsano A. Tommaso Campanella. Bari, 1961.

¹² См.: Горфункель А. X. Томмазо Кампанелла; Штрекль А. Э. «Город Солнца»: Утопия и наука. М., 1978.

¹³ Firpo L. Ricerche campanelliane. Firenze, 1947.

¹⁴ Book G. Thomas Campanella: Politische Interesse und philosophische Spekulation. Tübingen, 1984.

¹⁵ См.: Чиколини Л. С. Социально-политические воззрения Кампанеллы; Badaloni N. La contraddizione di T. Campanella // Società. 1952. N 8; *Idem*. Tommaso Campanella. Milano, 1965; Горфункель А. X. Томмазо Кампанелла; Штрекль А. Э. «Город Солнца».

¹⁶ См.: Чиколини Л. С. Кампанелла в публикациях XVII в. // История социалистических учений, 1985. М., 1985.

форме представляющий образец идеального государства, и «Политические афоризмы». В них нет полемики, Кампанелла спокойно повествует, рассуждает, излагая свое кредо. «Политические афоризмы» интересны тем, что в них лаконично, но четко и довольно последовательно (а это не всегда удавалось Кампанелле) изложены основные принципы политической науки, сделана попытка систематизировать знания в этой области, накопленные его предшественниками и им самим. Произведение это примечательно и тем, что создавалось одновременно с «Городом Солнца», близко примыкает к нему по сути. В «Рассказе о собственных книгах» Кампанелла свидетельствует о составлении афоризмов незадолго до написания «Города Солнца»¹⁷, т. е., по-видимому, в конце 1601 или начале 1602 г. («Город Солнца», как считают, относится к 1602 г.), первоначальный текст на итальянском языке позднее был расширен Кампанеллой, разделен на 13 глав. В 1623 г. Т. Адами опубликовал его на латинском языке (в одном томе с «Городом Солнца») как третью часть — «Политику» — «Реальной философии»¹⁸. Наконец, сам Кампанелла в Париже (1637 г.) осуществил новое издание «Реальной философии», добавив к «Политике» еще две главы¹⁹. Что касается афоризмов на итальянском языке, то они распространялись в списках и тем самым продолжали существовать самостоятельно не только на Апеннинском полуострове, но и за его пределами. В данном очерке, оставив в стороне латинские варианты «Политики» (они заслуживают особого рассмотрения), обратимся к первоначальному редакциям «Политических афоризмов». На наш взгляд, именно с них надо начать исследование, если мы хотим понять эволюцию политических воззрений Калабрийца.

* * *

В ленинградской Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранятся два объемистых тома итальянских рукописей конца XVI — начала XVII в., собранные Фридрихом Мецшеном во время его путешествия по Италии (1610 г.)²⁰. В коллекцию вошли и отдельные произведения

Томмазо Кампанеллы, в том числе «Монархия Мессии», «Речи к итальянским князьям». Наше внимание привлекла копия его «Политических афоризмов», сделанная четким почерком переписчика. Ленинградский манускрипт — один из 29 дошедших до наших дней списков этого труда, которыми располагают библиотеки Неаполя, Рима, Лукки, Модены, Парижа, Лондона, Кембриджа, Вены, Мадрида и других городов Европы²¹. Рукописи имеют разные редакции и названия («Политические поучения», «Политические заметки», «Методические заметки», «Общие рассуждения о политике», «Политические афоризмы и т. д.». Не исключено, что это свидетельство нескольких этапов работы Кампанеллы над данным сочинением. В списках встречаются разночтения (как правило, результат ошибок переписчиков), не меняющие в целом содержания.

«Политические афоризмы» очень мало изучены в советской историографии. В то же время это одно из известных произведений мятежного философа, к которому неоднократно обращались зарубежные исследователи. Первая публикация итальянского текста осуществлена в середине XIX в. А. Д'Анконой, которому были известны 5 рукописей этой работы²². В 1911 г. издание повторил Д. Чамполи, исследовавший еще 4 копии афоризмов²³. Несколько списков их обнаружил Квачала²⁴. Де Маттеи было известно уже 24 манускрипта²⁵. Благодаря стараниям Фирпо в 1941 г. вышло в свет с его комментариями и обстоятельным вступлением критическое издание «Политических афоризмов» на итальянском и латинском языках²⁶. А в 1980 г. Г. Мальоне опубликовал список, обнаруженный в Неаполе (из числа считавшихся утраченными), под названием «Общие рассуждения о политической науке»²⁷ (на итальянском языке), учел замечания Фирпо и сделал сопоставления с некоторыми другими кодексами. Текст, предложенный Мальоне, относится, по-видимому, к редакции 1607 г. Он изобилует ошибками и пропусками по вине переписчика, который либо плохо владел итальянским языком, либо делал запись под диктовку. Ленинградская копия более корректна (если не считать ошибок в нумерации афоризмов), в целом она соответствует изданию Фирпо, а от текста, опубли-

¹⁷ В III главе «Рассказа о собственных книгах» речь идет о книгах, сочиненных Кампанеллой в тюремном заключении. Интересующее нас произведение упоминается одним из первых (после стихов и элегий). «Я написал „Политические афоризмы“, разделенные затем на главы, и создал политическую науку, прибавил очень полезную экономику, снова восстановил этику, добавил идею государства, которое назвал „Городом Солнца“, значительно лучшего, чем у Платона или какое-либо другое» (*Campanella T. De libri propriis et recta ratione studendi Syntagma/A cura di V. Spampinato. [Milano], 1927, P. 24*).

¹⁸ *Campanella T. Realis Philosophiae epilogisticae partes quatuor...* Francofurti, 1623.

¹⁹ *Campanella T. Philosophiae Realis pars tertia quae est de Politica in Aphorismos degesta // Campanella T. Disputationum in quatuor partes suae philosophiae realis libri quatuor. P., 1637.*

²⁰ *Manuscripta italica per me Fridericum Metzschem in peregrinationum mea Italica collecta. Anno, 1610.*

²¹ Л. Фирпо имел сведения о 32 списках «Политических афоризмов». Однако в 1941 г., работая над их изданием, он отыскал всего 28 рукописей, 4 оказались утерянными.

²² *Campanella T. Aforismi politici // Opere. Torino, 1954. Vol. II.*

²³ *Campanella T. La città del sole e Aforismi politici a cura di Domenico Ciampoli. Lanciano, 1911.*

²⁴ *Kvačala I. Über die Genese der Schriften Thomas Campanellas // Учен. зап. император. Юрьев. ун-та. 1912. № 6; 1913. № 10.*

²⁵ *De Mattei R. Studi campanelliani. P. 32—42.*

²⁶ *Campanella T. Aforismi politici con sommari e postille inedite... Testi critici, con le varianti dei codici e delle stampe originali/Introduzione e note a cura di Luigi Firpo. Torino, 1941. (Далее: Aforismi politici).*

²⁷ *Maglione G. Parole universali della dottrina politica di Tommaso Campanella: Un codice inedito. Napoli, 1980. (Далее: Parole universali).*

кованного Д'Анконой, отличается латинскими включениями, которых в первом варианте нет.

Сочинение Кампанеллы на итальянском языке содержит 150 афоризмов, однако число их в разных списках варьируется. Из-за ошибок переписчиков в ленинградской копии их 148, в издании Мальоне — 153. При дальнейшей работе Кампанеллы над произведением и переводом его на латынь число афоризмов возросло: в издании Адами их 178, в парижском — 241.

История создания «Политических афоризмов», стремление Кампанеллы непременно опубликовать их (до Адами он пытался это сделать через Каспара Шоппа, но безуспешно) свидетельствуют, что это сочинение было дорого Кампанелле и является одним из центральных его политических трудов.

* * *

В своих воззрениях Кампанелла тесно связана с общественной мыслью Возрождения, гуманизмом, натурфилософией, что ярко проявляется в постановке вопросов, аргументации, обращении к античной традиции. Автора занимает тема происхождения и развития государства, его назначения, форм правления, наилучшей политической и социальной организации, иначе говоря, все то, что многократно пытались выяснить мыслители и до него. Специфическим у Калабрийца было подчеркнутое внимание к проблеме соответствия государства природе и стремление найти на более совершенную форму его устройства в интересах большинства.

Подобно своим предшественникам — античным философам и гуманистам, первопричину создания государства он видел в естественной склонности людей к объединению, тем самым и он отождествлял государство с обществом. *Comunità, civitas, imperium* для Кампанеллы, в сущности, синонимы²⁸. Но констатацией этой общепринятой в ту эпоху мысли Калабриец не ограничивался: государства создаются и в результате насилия. Отсюда различны их формы и способы правления, которые могут соответствовать природе или отклоняться от нее. К естественным объединениям Кампанелла отнесил союз мужчины и женщины, родителей и детей, возникновение семей (куда включал и слуг), соединение семейств в поселении (*villa*), многих поселений — в города-государства (*città*). Их объединение создает провинцию, провинции образуют области (*teame*), области входят в государства (*imprerio*), государства — в монархии, охватывающие большие регионы. Наивысшим видом союза людей Кампанелла считал сплочение всех их в один род человеческий²⁹.

Нетрудно заметить, что Кампанелла повторял некоторые положения Платона и Аристотеля о началах государств. В какой-то степени он воспроизводил реальную картину своего времени, кото-

да в Европе усилился процесс централизации и формирования абсолютистских держав. Что касается мечты об объединении всего человечества, то, как мы увидим, это была одна из главных идей его политической теории. Она перекликалась с суждениями других итальянских мыслителей, стремившихся к прекращению войн и религиозных раздоров. Натурфилософские убеждения Калабрийца при этом играли решающую роль. Соответствие общественных институтов природе Кампанелла считал наиглавнейшим. Тезисы, начертанные в «Политических афоризмах», явно напоминают многие положения «Города Солнца»: наилучшее государство, по Кампанелле, согласуется с вечным разумом и природой только в том случае, если имеет целью осуществление справедливости. Это такой союз людей, подчеркивал он, где блага принадлежат всем и распределены равномерно; где же общность и равенство отсутствуют, там власть и объединение — результат насилия³⁰. Истинно справедливое государство — содружество людей, в нем общий интерес превалирует над частным и каждый приветствует успехи друга³¹. В сочинении отчетливо звучали мотивы гражданственности, а целью жизни объявлялось счастье и благополучие всего общества.

С древними мыслителями и гуманистами XV—XVI вв. роднит Калабрийца и рассуждение о справедливом государстве как содружестве людей свободных. Но в отличие от античных философов, а также тех гуманистов, которые оправдывали рабство и исключали несвободных из числа истинных граждан, Кампанелла выступал против порабощения человека человеком. Никто не должен прибегать к насилию и господствовать над другим. Грубой силой подчиняют только животных, рассуждал он. Если бы основой земного существования являлась сила, люди оказались бы рабами зверей. Требование личной свободы, понимаемое как одна из основ разумно устроенного общественного порядка, приобретало в условиях феодальной реакции в Италии антифеодальный смысл.

Проблема свободы интересовала Кампанеллу не только с точки зрения правового статуса и фактического положения индивида. Калабриец отстаивал его свободную волю и духовную независимость. То была, как известно, тема, остро дискутировавшаяся в эпоху Реформации и контрреформации. В отличие от католиков и протестантов, из которых одни признавали свободу воли, но полагали, что она неизбежно порождает пороки, а вторые ее отрицали, согласно учению о предопределении (причем и те и другие исходили из постулата о греховной природе сынов адамовых), Кампанелла, подобно вольнодумцам XVI в. Ренато, Курионе, Пуччи, обнаруживал преданность идеалам гуманизма. В основе его суждений лежала глубокая вера в возможности и таланты человека. Кампанелла осуждал рабство во всех его проявлениях.

²⁸ *Aforismi politici*. A. 1, 2. P. 89.

²⁹ *Ibid.* A. 3. P. 89.

³⁰ *Ibid.* A. 3—4. P. 89.

³¹ *Ibid.* A. 60. P. 109.

ях. Человек от природы свободен в выборе и желаниях; рабство физическое и духовное порождает тираны. Тезис этот звучал унисон с основной темой «Города Солнца». Порабощение, невенство, преобладание частного интереса над общественным, среблялюбие и духовное рабство — вот те пороки, против которых ополчался Калабриец и в «Политических афоризмах».

Заметим, однако, что, заявив о своей принципиальной позиции, Кампанелла оказывался не всегда последовательным. Вынужденный считаться с реальной жизнью, он не мог не говорить о людях подневольных. В его сочинениях (в том числе и в «Городе Солнца») все же возникала такая категория людей (*servi*). Это вовсе не обязательно рабы, скорее слуги, люди, которыми надо управлять, они самой природой предназначены к услужению³².

Принцип соответствия природе и высшему разуму настойчиво проводился им в рассуждениях о структуре совершенного государства. Распределение обязанностей, управление должны согласовываться с естественными склонностями людей. Кампанелла разделял восходящие к Платону и Аристотелю суждения о различной природе и способностях людей. Одни умны, но слабы телом, их призвание — быть священниками, философами, советниками. Сильные телом и духом должны стать солдатами; люди с крепкими руками рождены для занятия сельским хозяйством, а с ловкими — быть ремесленниками и т. д. Мудрым и сильным физически надлежит управлять государством. Участь слабых умом и телом — повиноваться³³.

Плохим государством Калабриец считал такое, где каждый сидит не на своем месте, несет службу, для которой не годен. Таким государством правит слепой случай. Автор осуждал пагубную практику возводить на престол неспособных к правлению наследников, назначать на государственные посты людей только потому, что они дети или друзья правителей, либо потому, что они богаты и могут купить себе сан³⁴. Положения эти прямо направлены против господствовавших в его эпоху порядков, против прерогатив потомственной аристократии и притязаний новой знати из буржуа.

В афоризмах поднимался вопрос, который также активно обсуждали гуманисты: о социальной значимости воспитания, необходимости с детства развивать природные задатки людей важной роли в этом учителей. Подобно Бручоли, Курионе и другим педагогам-гуманистам, Кампанелла советовал с малолетства знакомить детей с теми обязанностями, которые впоследствии им надлежит выполнять³⁵. Этот принцип неотступно проводят, как известно, его солиарии.

В политических теориях эпохи Возрождения важное место

³² Ibid. A. 27. P. 99.

³³ Ibid. P. 98—99.

³⁴ Ibid. A. 29. P. 98.

³⁵ Ibid.

занимал вопрос о типах государства и формах его устройства. Эта тема не обойдена и Кампанеллой. У него мы находим отзвук популярной в XVI—XVII вв. теории «смешанного правления». В свое время ей отдали дань Макнавелли, Гвиччардини, Джаннотти и др.³⁶ Кампанелла трактовал эту концепцию по-своему, использовал для обоснования преимуществ единоличного правления, опирающегося на средние слои общества. Отправной точкой и для него служило учение древних о «правильных» и «неправильных» формах государственного устройства. Единоличное правление добродетельного и мудрого мужа Калабриец называл царством или монархией, верховенство дурного человека — тиранией, правление группы доблестных людей — аристократией, а группы людей плохих — олигархией; хорошее правление всего народа он называл политией, дурное правление народа — демократией³⁷. Наряду с «чистыми» формами автор упоминал и «смешанные», соединяющие элементы разных видов правления. Примеры их он находил в истории и практике современной ему Европы. Образец монархии представляет Испания, правление многих нобилей осуществляется в Венеции, а в Швейцарии власть принадлежит всем. «Смешанное» устройство он видел в Польше, где рядом с королем важную роль играют «многие аристократы». В Лакедемоне и Римской республике дела вершила знать совместно с плебсом и т. д. Однако Кампанелла не был склонен абсолютизировать государственные формы и сводить все к правильному их сочетанию, как делали его предшественники. Философ заключал, что действительная власть не всегда зависит от типа правления, а принадлежит тому, от кого зависит решение в последней инстанции, в руках кого находится право распоряжаться жизнью и смертью, «власть меча». В Римской республике ею обладал народ, в Венеции — патрициат, хотя республику там возглавляет дож. Пример единой державы являет собой церковное государство, где высшим авторитетом наделен папа, несмотря на то что рядом с ним существует совет кардиналов³⁸.

При выборе наилучшей системы правления Кампанелла обнаруживал некоторую двойственность, свойственную многим его современникам, жившим в противоречивое переходное время, которое накладывало соответствующий отпечаток и на государственную строй. Он был противником в равной степени как «чи-

³⁶ Об этой теории подробнее см.: Чиколини Л. С. Идеи «смешанного правления» в политической мысли XVI в. // Возрождение и общество. М., 1986. В отличие от Полибия и Цицерона мыслители XVI в. выступали против «симметричного» соединения трех «частей государства» — монархии, аристократии и демократии — и их равновесия, считая более прочным такое государство, где одна из этих «частей» преобладает над двумя другими. Джаннотти, к примеру, в Венеции находил смешанную форму правления, «склоняющуюся к аристократии», а для Флоренции более подходящим считал «*stato misto*», которое склонилось бы в сторону демократии. Пару примеров смешанного правления видел во Франции, Германии, Польше.

³⁷ Aforismi politici. A. 17. P. 95.

³⁸ Ibid. A. 16. P. 95.

стой» демократии, так и аристократических режимов. Избегать «капризов» тех и других он считал возможным лишь при опоре на средние слои общества (*popolo mezzo*) и этим разделял мнение большинства итальянских политиков XVI—XVII вв., мечтавших об уничтожении двух крайностей: бедности и чрезмерного богатства. Калабриец предлагал даже установить имущественный ценз: «Не принимают участие в управлении государством те, — писал он, — кто не имеет ста дукатов дохода, а также и те, кто имеет больше трехсот»³⁹. В правлении плебса ему виделся призрачный анархизм, в правлении знати — опасность деспотии. Оказавшись у власти, плебс правит неумело; пытаясь разбогатеть, бедняки грабят государство, а богатые превращаются в тиранов⁴⁰. Подобно Фильюччи, Паруте, Фольетте, Альбергати и многим другим, Кампанелла считал «средних» собственников наиболее надежной частью общества.

Объявив себя сторонником республиканского правления большинства, Калабриец в то же время приходил к выводу, что в некоторых случаях, когда нужна твердая дисциплина (особенно в военное время), полезна единоличная диктатура, при условии, однако, если во главе государства будет поставлен «лучший из лучших». Да и в мирное время философ готов был допустить «принципат доблестного человека». Если даже такой правитель, рассуждал он, станет править дурно, то в сравнении с плохим народным правлением это все же наименьшее зло. Итак, объявив республику «средних» наиболее совершенной формой объединения, Калабриец одновременно обосновывал преимущества монархий. «Монархия хороша, если речь идет о завоевании, республика — для сохранения государства»⁴¹. Эти положения сближают Кампанеллу с Макиавелли, который, как известно, будучи в душе республиканцем, ради объединения страны готов был поддерживать единоначалие сильного государя. Так и Кампанелла отводил королю Испании «роль Кира», которому надлежит объединить мир и способствовать установлению на земле идеального порядка.

На первый взгляд кажется парадоксальным, что, являясь сторонником равенства, думая о благе и счастье народа, Кампанелла вместе с тем, как и многие в его эпоху, высказывал недоверие к беднейшим слоям общества. Мотив этот появлялся и в других сочинениях философа⁴². В них порой звучала горечь, сожаление, что народ не развит, темен, слишком доверчив, легко поддается обману. Та же мысль высказана в «Политических афоризмах»: народ не понимает тайных намерений тиранов, ораторы без труда могут увлечь его, «куда им вздумается»⁴³.

³⁹ Ibid. A. 145. P. 140.

⁴⁰ Ibid. A. 133. P. 136.

⁴¹ Ibid. A. 94. P. 122.

⁴² См., например: *Кампанелла Т.* Город Солнца: Приложение. М., 1957. С. 165.

⁴³ *Aforismi politici*. A. 106. P. 126.

Вместе с тем Кампанелла вовсе не свойственно враждебное отношение к простому люду. По его наблюдениям, поражение народа непременно ведет к тирании, которую Калабриец считал самым великим злом. Отсюда поиски «смешанной» формы правления — монархии, опирающейся на средние слои общества, на «большинство». Вспомним, что и в «Городе Солнца» изображена, в сущности, «смешанная» форма правления во главе с избранным пожизненно Метафизиком и его соправителями — Мудростью, Мощью и Любовью⁴⁴. Так, в отличие от ряда гуманистов, выражавших подчас презрительное, неприязненное отношение к «черни», Кампанелла испытывал к ней сочувствие, сокрушался по поводу невежества масс, отстаивал мысль о необходимости их просвещения и «облагораживания». Но заботу о благе народа он поручал мудрому монарху, правящему с одобрения большинства.

В переменчивых условиях переходной от феодализма к капитализму эпохи, когда претерпевали изменения привычные социальные институты, многих мыслителей глубоко волновала проблема прочности государства. В «Политических афоризмах» ей также отведено значительное место. Основой крепкого государства Калабриец считал мудрость, «мощь» и богатство, т. е. разумное правление, сильную армию и наличие полной казны. При удачном соединении этих трех факторов государство процветает; отсутствие одного из них ведет к его ослаблению. Если Макиавелли, писавший в первой трети XVI в., думал об основании на Апеннинском полуострове всеединого государства (что в ту пору представлялось возможным), а Лоттини и Парута, жившие во второй половине XVI в., больше размышляли над вопросом, как сохранить и поддержать существующее государство, то Кампанелла прежде всего стремился выяснить причины гибели республик и монархий, дабы при создании нового, совершенного объединения была возможность их предусмотреть. В какой-то степени это, вероятно, отражало изменения, которые к началу XVII в. произошли в Италии, все больше подпадавшей под чужеземное иго. Во времена Кампанеллы создание на ее территории единой державы мало кому казалось вероятным (хотя мечты об этом не исчезали, о чем свидетельствует «Евандрия» Людовико Цукколо).

В качестве внешних причин крушения держав Кампанелла отмечал иноземные завоевания, эпидемии, наводнения, пожары⁴⁵. Интересен анализ внутренних причин ослабления государств. Прежде всего это следствие огромных размеров монархий, трудности управлять ими без помощи соправителей — графов (*conti*), которые постоянно стремятся к независимости. Отсюда совет (даваемый в духе Аристотеля) — сохранять владения в определенных границах, не стремиться к безграничным завоеваниям⁴⁶. Кампанелла тем самым делал выпад против безудержных территориальных притязаний, присущих крупным европейским держа-

⁴⁴ Ср.: *Штекли А. Э.* «Город Солнца». С. 222—223.

⁴⁵ *Aforismi politici*. A. 20. 115. 116. P. 96—97. 130.

⁴⁶ Ibid. A. 113. P. 130.

вам на заре капитализма. В первую очередь слова эти были адресованы, видимо, Испании.

Ряд афоризмов посвящен осуждению наемничества, широко распространенного, как известно, в Европе той поры. Предательство наемных солдат и военачальников, их необузданность, грабежи, нехватка денег для их оплаты не раз приводили к внутренним изменениям, а затем к падению царств, империй и республик⁴⁷. Явления, описанные Кампанеллой, были хорошо знакомы его соотечественникам.

В качестве частых причин гибели монархий отмечены мятежи вассалов, прекращение династий, распри между наследниками, неспособность последних к ведению государственных дел. Калабриец находил наиболее разумным отказаться от передачи власти по наследству и избирать правителей из числа наилучших граждан (но не всем народом, поскольку его легко обмануть, и не по прихоти солдат, а с помощью выборного сената, как в Венеции, или коллегии кардиналов по примеру папского Рима)⁴⁸.

Среди причин падения республик назван захват власти демагогами; введя в заблуждение народ посредством благодеяний, щедрот и щедрости, они добиваются популярности, затем становятся тиранами (как Козимо Медичи во Флоренции или Филипп Македонский в Афинах). Автор считал необходимым принимать решительные меры против всех, кто действует подобным образом, а также разъяснять народу истину, просвещать его⁴⁹. Дабы упрочить республику, Калабриец рекомендовал, кроме того, ликвидировать пожизненные должности, не набирать гвардию из иноземцев, отменить право издавать законы без общего согласия народа⁵⁰. В этих пассажах снова проявились антиабсолютистские настроения автора.

Ослабление государства Кампанелла связывал также с чрезмерным налогообложением. В нем он видел одну из главных причин народных возмущений (например, во Фландрии, когда наместником был герцог Альба). Калабриец советовал уменьшить податное бремя, а то и вовсе отменить ряд повинностей. В то же время он давал явно макиавеллистские рекомендации: в случае нужды возобновлять обложение налогом «мало-помалу», незаметно и под другим названием. Любопытно предложение взимать с населения то, чего больше в этой провинции, и таким образом снижать всеобщее недовольство: в Апулии брать зерно, в Калабрии — шелк, во Фландрии — набирать солдат и т. д.⁵¹.

Значительное место в политической литературе позднего Возрождения занимал вопрос об имущественном и социальном расстройстве. Пагубные последствия этого явления отмечали, как известно, Мор, Эразм, Дони, Агостини, Альбергати, Цукколо и многие

другие. Но далеко не все они из критики общественных недугов делали вывод о необходимости уничтожения частной собственности. Кампанелла в «Городе Солнца», в «Вопросах о наилучшем государстве» убежденно обосновывал такую необходимость.

В «Политических афоризмах» он раскрыл другой аспект этой проблемы, пытался дать другое ее решение, осуждая неравенство как наиболее существенную причину непрестанной борьбы в обществе и отсюда — ослабления государства. Победа нобилитета неизбежно завершается, писал Калабриец, падением демократии, что для народа означает установление тирании. Но республика приходит в упадок и в случае торжества плебса, поскольку сопровождается разрушением и грабежами. Знатные тогда оставляют государство, в результате оно лишается мудрых, образованных людей. «Нобили бегут... и призывают чужестранцев, и народ делается добычей каждого умного горожанина или сильного иноземца». Средство против этого одно — уравнивание народа и знати в почестях и имуществе⁵².

Итак, в существовании непримиримых социальных противоречий усматривалась одна из причин крушения государств. Такая точка зрения совпала с широко распространенными в политической мысли XVI — начала XVII в. представлениями (но решительно расходилась с наблюдениями Макиавелли, считавшего борьбу общественных группировок нормальным и даже благотворным явлением). Кампанелла же соперничество между знатью и народом находил полезным для государства только в делах чести. В иных случаях оно ведет к нестабильности, гибели государства⁵³. Наиболее опасной считал он борьбу между бедными и богатыми и снова делал вывод о необходимости «устранить пагубное неравенство». Призыв этот становился лейтмотивом «Политических афоризмов». В сочинении проскальзывала мысль и о желательности введения общности имущества (*l'unione dei beni*)⁵⁴.

Социальная и политическая борьба приобретала у Кампанеллы роль своеобразного двигателя истории, развитие которой совершается по кругу. С ней он связывал изменение политических и общественных институтов. В афоризмах вырисовывается следующая картина: «За теми, кто добивается власти благодаря своей доблести, следуют тираны... против тиранов составляются заговоры многих или во главе с одним мудрецом... Они изгоняют или убивают тирана... С течением времени от этих добрых людей рождаются немногие дурные, поскольку доблесть оборачивается властолюбием или гордостью... Против них под руководством доброго [предводителя] выступает плебс... и так возникает народная республика всех, в которой из-за плохого правления со временем выдвигается тиран или царь (re)... либо утверждается зависимость (*servitù*) от иноземца...»⁵⁵ Кампанелла выступал, таким

⁴⁷ Ibid. A. 120—123. P. 131—133.

⁴⁸ Ibid. A. 104—107. P. 126.

⁴⁹ Ibid. A. 137, 147, 150. P. 137, 141, 142.

⁵⁰ Ibid. A. 131, 133. P. 135—136.

⁵¹ Ibid. A. 126. P. 134.

⁵² Ibid. A. 133. P. 136.

⁵³ Ibid. A. 19. P. 94.

⁵⁴ Ibid. A. 102. P. 124.

⁵⁵ Ibid. A. 18. P. 95—96.

образом, сторонником теории цикличности исторического процесса, обнаруживая при этом достаточно глубокое для своего времени понимание переменчивости судеб народов в зависимости от совокупности разных условий — политических, социальных, экономических; в развитии государственных форм он стремился нащупать определенную закономерность.

Идеи общественного блага, равенства и справедливости лежат в основе рассуждений Кампанеллы о мудром законодательстве. Связь его суждений с натурфилософией особенно ярко проявляется в афоризмах, этому посвященных. Закон для Калабрийца — «дух», внутренняя сила, объединяющая душу и тело государства. Он различал два его вида. Вечный — закон природы, закон божественной справедливости, правила высшего разума, рассеянные в мире, абсолютная истина, отражение вечного в вещах⁵⁶. Второй закон — человеческий, отчасти преходящий, отчасти извечный. Если он соответствует природе, он неизменен, если создан для данного случая, он переменчив. Закон римских первоисточников Кампанелла называл смешанными: с одной стороны, они соответствуют божественной истине, с другой — неустойчивы, поскольку изданы «на благо момента или на злобу дня». И снова философ подчеркивал главную мысль: совершенный закон, близкий к естественному, только тот, который служит большинству (*moltitudine*), стоит на страже справедливого порядка и равенства. «Закон — это согласие всех, записанное и обнаруженное в целях всеобщего блага»⁵⁷. Закон — это политическая разумность (*ragione politica*).

Фра Томмазо выступал решительным противником тезиса Макиавелли о государственной необходимости (*ragion di stato*), ради которой якобы можно попирает справедливость и совершать неблагоприятные поступки, осуждал правителей, стремившихся сохранить власть посредством злодеяний. Отстаивая принцип равенства всех перед законом, он требовал устойчивости и постоянства законодательных актов. Калабриец допускал возможность некоторого их изменения, если это не вредит обществу, при условии, что суть разумных предписаний не будет нарушена. «Соблюдай вечный закон, поэтому изменяй букву закона, но не его смысл», — писал он⁵⁸.

Обратим внимание на то, что одним из условий справедливости законов Кампанелла опять-таки считал одобрение их большинством народа. В этом случае они не вызывают раздражения и легко соблюдаются. Чтобы избежать правонарушений, необходимы три условия. Во-первых, уважение к законам, понимание их пользы. Во-вторых, сознание того, что закон защищает общественные интересы. На третье место он ставил боязнь наказания за нарушение установленного порядка⁵⁹.

Весьма интересна (хотя и не нова) мысль о том, что законодательство должно носить предупредительный характер, не столько карать за проступки, сколько предостерегать от них. Мысль эту вслед за древними высказывали многие авторы XV—XVI вв. (достаточно четко выражена она, к примеру, у Альбергати). Кампанелла развивал этот тезис в «Городе Солнца». Наилучший закон — поучающий, заявлял он и в «Политических афоризмах». Множество карающих законов — верный показатель неумелого управления. «Где часто меняют законы, там налицо признаки упадка»⁶⁰. Справедливые законы постоянны, просты, понятны народу. Многочисленные и запутанные — нужны тиранам, они принимаются вопреки сложившимся обычаям, их цель — затуманить истину. «Лучшими законами являются малочисленные и краткие, которые соответствуют обычаям народа и защищают общественное благо»⁶¹.

Примечательно наблюдение о существовании прямой связи между законами и обычаями, в чем нельзя не усмотреть интерес философа к жизни народа, уважение к его традициям. Хороший обычай, по мнению утописта, может стать неписанным законом и способствовать процветанию государства. Он советовал всегда учитывать нравы и сложившиеся привычки людей. В его сочинении просматриваются популярные в ту эпоху суждения (и здесь чувствуется сильное влияние Аристотеля) об особенностях «наций», живущих в разных географических условиях и климатических зонах⁶².

Важное место в политическом учении Кампанеллы (в полном соответствии с «Городом Солнца») отводилось роли законодателя. Его он ставил значительно выше обычного правителя и предъявлял ему самые строгие требования. Законодателем не может стать каждый, читаем мы в афоризмах, тем более хитрец и обманщик. Это человек великих моральных достоинств, исключительных познаний и дарований. Он должен быть «мудрейшим, божественнейшим, религиознейшим и сверхчеловеческим», почти равняться Христу или посланнику божьему, как Моисей⁶³. Именно таким Калабриец изобразил Метафизика — верховного правителя соляриев. Преувеличение роли личности в истории, столь характерное для гуманистов, типично и для Кампанеллы.

В свое время Эразм Роттердамский, Антонио де Гевара, Бруччиоли и др. создавали образы правителей — «отцов народа». Кампанелла хотел, чтобы этот «отец» был исключительным и непревзойденным, чтобы знания его не ограничивались умозрительной сферой. Это должен быть и разносторонний ученый, усвоивший все науки, и умудренный жизнью человек, знакомый с обычаями страны, судьбами народов, с искусствами и ремеслами («по край-

⁵⁶ Ibid. A. 34. P. 101.

⁵⁷ Ibid. A. 32. P. 100.

⁵⁸ Ibid. A. 35. P. 102.

⁵⁹ Ibid. A. 39. P. 103.

⁶⁰ Ibid. A. 37. P. 102.

⁶¹ Ibid. A. 36. P. 102.

⁶² Ibid. A. 43—44. P. 104—105.

⁶³ Ibid. A. 50. P. 107.

ней мере, их основами») ⁶⁴. Требование соединения науки с общественной и практикой характерно для автора «Города Солнца». Подобные пожелания встречались и прежде (например, у Бруччио, Курионе и др.). Однако звучали они не столь настойчиво и убедительно, как в произведениях Кампанеллы.

Помощники законодателя должны обладать почти такими же достоинствами и познаниями. Все они самой природой предназначены стать «отцами народа». Признавая, что в жизни наблюдается иное, Кампанелла делил реальных правителей на несколько категорий. Одни действительно по своей природе «отцы и мудрецы», другие занимают главенствующее положение благодаря удаче, иные благодаря тому и другому. Отсюда различные судьбы государств ⁶⁵.

Итак, главная цель законодательства — общее благо, равенство и справедливость, а основным принципом общежития должна стать забота об интересе всех, о коллективной собственности, знаниях, мудрости, науке ⁶⁶.

Афоризмы, посвященные выяснению места науки в жизни общества, привлекают особое внимание. В хорошо организованном государстве ей надлежит играть особую роль. Этому вопросу философ, как известно, уделил внимание в «Городе Солнца», многих других произведениях. В них речь шла не просто об использовании научных достижений в интересах общества: всю жизнь государства, считал Калабриец, необходимо строить на научных основах ⁶⁷. В его триаде — мудрость, мощь и богатство — мудрость занимает первое место. Хорошо и естественно правит только наука, т. е. знания, философия (sapienza). Но наука не «софистическая», а та, что ставит задачей познание истины, проникновение в тайны бытия, не «отшельническая», а связанная с конкретной реальностью ⁶⁸. «Софистическое» же правление философ объявлял тираническим, основанном на хитрости и лженауке. Там, где правители лишены доблести и мудрости, царит произвол и все держится на насилии. Он допускал к руководству государством даже слабых физически, если они, овладев науками, отличались мудростью. «Естественно правит мужчина женщиной, отец сыновьями, старшие младшими, сильный слабым, ученые невеждами», — писал он. Но если «женщина, или сын, или юноша, или слабый превзойдут наилучшего в науках, они смогут править лучше, чем муж» ⁶⁹. Кампанелла устанавливал своеобразную социально-интеллектуальную иерархию, зависимую от мудрости и учености людей. Самым доблестным и мудрым должен быть законодатель, затем первосвященник, потом светские

правители; следующими по уму и знаниям идут советники, за ними — добродетельные судьи, затем солдаты и, наконец, трудовой люд — ремесленники, земледельцы, мореплаватели и торговцы ⁷⁰. Среди простого народа также существует своя иерархия: самыми почетными и привилегированными в горных странах (Швейцария) должны быть пастухи, в странах, расположенных на равнинах (Египет), — хлебопашцы, в приморских — моряки и торговцы, поскольку именно эти люди приносят наибольшую пользу своим государствам. Они наилучшим образом обучены ремеслу, их знания соответствуют их искусствам, поэтому и надлежит им занимать первое место в народе ⁷¹. Обратим внимание на эту мысль. Хотя трудовой народ поставлен на последнюю ступень иерархической лестницы, у Кампанеллы чувствуется стремление по достоинству оценить его труд, подчеркнуть общественную пользу хорошего знания, соответствия ремесла потребностям науки.

Особо следует сказать об отношении Кампанеллы к религии. Ее он считал одной из основ государства наряду с мудростью и наукой. Подчеркнем, что понимание сути религии было у Калабрийца весьма своеобразным, неразрывно связанным с его пантеистической философией, о чем свидетельствуют многочисленные религиозно-философские труды фра Томмазо. Вера в божественное провидение означала для Кампанеллы попытку проникновения в тайны мироздания. Обращение к богу было свойственно всем народам, рассуждал он и в афоризмах. Ассирийцы, древние египтяне и персы искали бога в звездах и проявление божественных сил старались постичь посредством астрологии. Древние греки божественное в вещах пытались познать посредством оракулов, римляне обращались к предсказателям и авгурам, христиане искали и ищут истину через пророков и посланцев божьих ⁷². Таким образом, христианская вера в понимании Кампанеллы теряла свою исключительность. По своим задачам она, в сущности, приравнивалась ко всем другим религиозным доктринам, которые рассматривались как средства познания господней воли, проявляющейся в природе и обществе. Каждое государство имеет своего покровителя и свой закон, рассуждал Калабриец, и этот закон хорош, если он от бога. Бог же являл свою волю и подлопоклонникам, а желая наказать виновных, он действовал и через дьявола ⁷³. В этих рассуждениях, явно отдававших ересью, сквозило безразличие Кампанеллы к формальностям религиозных культов и внешним проявлениям веры, что было столь характерно для ряда итальянских философов-еретиков. Понимание религии как средства постижения тайных, непознанных сил, действующих во Вселенной, вело к попытке сблизить религию с научным познанием.

⁶⁴ Ibid. A. 51. P. 107.

⁶⁵ Ibid. A. 95. P. 122.

⁶⁶ Ibid. A. 42. P. 104.

⁶⁷ Ср.: Штекли А. Э. «Город Солнца».

⁶⁸ Aforismi politici. A. 24. P. 98.

⁶⁹ Ibid. В издании Мальоне: «...будут править наравне с мужем» (Parole universalì. A. 26. P. 63).

⁷⁰ Aforismi politici. A. 54. P. 108.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid. A. 76. P. 115.

⁷³ Ibid. A. 77. P. 115.

Не менее отчетливо в «Политических афоризмах» видна тенденция (типичная и для других произведений Кампанеллы) рассматривать религию как важную политическую силу, воздевающую на души и умы людей. Калабриец исходил из положения, что наиболее сильным общественным организмом является такой, где существует полное «единение душ», иначе говоря, царит единомыслие. «Религиозная общность связывает наиболее прочно», — писал фра Томмазо⁷⁴. Особенно важно, если она способствует сплочению людей разных рас и народностей. Показательным в этом отношении ему казалось верховенство папы над христианским миром, объединяющим страны Европы, Африки, Азии и Америки⁷⁵.

Державы, где религиозное единство отсутствует, Калабриец считал менее прочными и приводил в пример Турцию, народы которой исповедуют разную веру. Эта концепция объясняет отчасти и его отношение к религиозным усобицам в Европе. С ними он связал ослабление Франции, Германии, Польши. «Всякий раскол ужасен, а со временем он принесет еще больший вред», Кампанелла призывал европейцев прекратить религиозные распри, покончить с противоборством между светской и духовной властью⁷⁶.

Проследим внимательнее за его рассуждениями. Средства укрепления государства он объявлял три силы: язык, меч и казну⁷⁷. «Язык — инструмент религии и мудрости», он относится к духовным богатствам. «Меч — оружие физической силы. Деньги и богатство — важные «вещественные» средства воздействия, но они играют все же третьестепенную роль. Тот, кто прибегает к духовному оружию, завоевывает души людей, оказывая на них решающее влияние и постепенно приобретает политическую власть. Даже в том случае, когда пророки и проповедники, борющиеся за новое государство, гибнут, жертвуя своей жизнью, начатое ими дело не погибало, государство создавали их последователи⁷⁸, заявлял Кампанелла, намекая, возможно, на свое положение заключенного в каземат пророка, которого не покидала надежда на торжество высоких идеалов.

Однако одного духовного оружия для создания и укрепления государства мало. Победа, завоеванная только при его посредстве, не бывает прочной. Кампанелла приводил примечательные примеры: лишенные военной помощи, погибли фра Дольчин, Иоганн Лейденский и другие ересиархи. Владеющий лишь «умом и языком» становится добычей сильного физически. Поэтому и римские папы часто бывали жертвами не только своих врагов, но и друзей.

Опора на одну армию тоже недостаточна. Не случайно, когда

германские императоры лишались поддержки церкви, они часто низлагались с престола⁷⁹. Правителю надо использовать оба мощных средства поддержки своего авторитета — духовное и военное. «Те, кто действует языком и мечом одновременно, быстро завоевывают обширные и прочные государства»⁸⁰. Их применение должно быть разумным и справедливым, ибо, если они «используются с ложью», государство приходит в упадок даже в случае победы.

И все же духовное оружие Кампанелла, верный себе, выдвигал на первое место. В истории, доказывал он, бывали случаи, когда могущественные в военном отношении завоеватели принимали законы, обычаи и веру подчиненных им народов. Он имел в виду германцев, завоевавших Рим, татар, принявших религию побежденных арабов⁸¹.

Исходя из этих рассуждений, Кампанелла задумывался о роли священников и проповедников, отмечал важную миссию поэтов, писателей, педагогов, т. е. всех образованных людей. Если они хороши и доблестны, то оказывают великую помощь государству, если плохи, то могут нанести ему непоправимый урон. Отсюда вывод: проповедники и воспитатели должны выбираться из числа наилучших граждан. Калабриец намечал целую программу действий в данной области, предлагал лишать полномочий тех, кто «законным образом не избран для обучения народа», а также всех писателей, «продающих свои сочинения». Поддерживать, возвышать он советовал «только таких, кто с помощью религии и науки прославляет общество», и полагал необходимым выплачивать им содержание за общественный счет⁸².

В отношении религии у Кампанеллы звучали мотивы, чрезвычайно близкие к суждениям Макиавелли. Он прекрасно видел, что религиозные культы созданы людьми и, следовательно, защищают их интересы. Философ подчеркивал прямую связь религии с политической. Выдающиеся деятели создают культы, выгодные и нужные им⁸³. Автор призывал ориентироваться на ту веру, которая не противоречит мудрой политике, тем самым проявлял отличное понимание того, что религия зависит от политики; отсюда заключение, что ни один государственный деятель не может обойтись без поддержки религиозных культов. Но в отличие от средневековых мыслителей, он отводил им подчиненное положение, считая первичным государство. Как отмечал Маркс, «уже Макиавелли, Кампанелла, а впоследствии Гоббс, Спиноза, Гуго Гроций, вплоть до Руссо, Фихте, Гегеля, стали рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии»⁸⁴.

⁷⁴ Ibid. A. 7. P. 91.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Ibid. A. 112. P. 129—130.

⁷⁷ Ibid. A. 63. P. 110—111.

⁷⁸ Ibid.

⁷⁹ Ibid. A. 69. P. 114.

⁸⁰ Ibid. A. 65, 67. P. 114—115.

⁸¹ Ibid. A. 71. P. 115.

⁸² Ibid. A. 150. P. 142.

⁸³ Ibid. A. 84, 85. P. 117.

⁸⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 111.

Истинная вера, заявлял Калабриец, должна соответствовать разумному правлению, служить ему. Только те религиозные системы полезны, которые согласуются с интересом государства. «Не следует поддерживать веру, которая противоречит „естественной“ политике»⁸⁵. Учения о боге, не соответствующие политическим задачам, недолговечны. Противоречиями между политической и верой он объяснял религиозные реформы. «Религия, которая отказывается от общей политики, часто претерпевает изменения»⁸⁶. Как все в жизни, так и религиозные культы не остаются неизменными: подобно государствам, в своем развитии они совершают круговорот⁸⁷. Убеденный приверженец теории цикличности, фра Томмазо доказывал неизбежность повторяемости и религиозных догм: сначала дело доходит до атеизма, а затем люди вновь возвращаются к вере в бога. Теперь, убежден философ, соответственно политическим принципам (*secondo politica*) все должно вернуться к богу, так как в мире должен действовать великий проповедник⁸⁸. Под великим проповедником, как видно, Кампанелла подразумевал себя. Его задача, опираясь на веру, способствовать созданию единой мировой державы.

Мысль о сплочении человеческого рода в единую «ветвь» под руководством единого пастыря занимала важное место в политической доктрине Кампанеллы. Таким пастырем он называл римского первосвященника. При этом, как справедливо заметил А. Х. Горфункель⁸⁹, Калабриец руководствовался отнюдь не интересами папского престола, а исходил из идеи, ставшей доминантой в его политических трудах, — создания совершенного государства и установления на земле справедливости, равенства мира.

Идея эта сама по себе была не нова, ее высказывали и другие вольнодумцы XVI в., в том числе Франческо Пуччи, ратовавший за прекращение религиозных раздоров в Европе и мечтавший о создании «вселенского государства» (*la repubblica cattolica*). Многие итальянские противники римской курии вскоре разочаровались и в Реформации, увидели в ней не меньшее зло. Отрицательное отношение проявил к протестантам и Кампанелла. В «Политических афоризмах» он призывал не верить сектам лютеран и кальвинистов (как и «секте» мусульман), а придерживаться незыблемых религиозных законов, общих для всех народов. Наиболее близким к естественной религии Кампанелла объявлял христианство. О его роли он пророчествовал и в «Городе Солнца»: «Возникнет новая Монархия, произойдет преобразование и обновление заповедей и наук, появятся новые пророки, и, утверждая они (солярий.— Л. Ч.), предвещают все это

великое торжество христианству»⁹⁰. Подчеркнем, что Кампанелла, в сущности, имел в виду не католическую веру, а христианство обновленное, очищенное, приемлемое для всех народов, его он и ставил на службу всемирного государства. Так и Кампанелла вслед за гуманистами XV—XVI вв. включался в поиск мировой религии. «Политические афоризмы» полны предсказаний о грядущих переменах, которые захватят и веру... «Изменяются все секты и религии, все виды принципатов и других объединений, люди непременно вернуться к первоначальному божественному государству (*prima signoria naturale divina*), где править станет единый государь-священник (*Re sacerdote*) вместе с сенатом лучших, избранный лучшими и из их числа... и возвратятся к первоначальному невинному золотому веку (*stato d'oro*)»⁹¹. Предсказания всеобщего обновления звучат патетически, хотя для современного читателя подчас довольно туманно⁹². Кампанелла предрекал и близкое окончание религиозных раздоров.

Итак, государства и церкви преобразуются. Во главе мировой державы встанут священники-мудрецы.

Кампанелла задумывался над управлением будущей вселенской державы. Он говорил о выборности властей, делил обязанности в ней между группами населения: священники предусматривают то, что необходимо совершить, правители приказывают осуществлять предписанное, солдаты и ремесленники исполняют предписания и приказы⁹³. В сочинении возникли образы идеальных духовных наставников⁹⁴, задача которых заботиться, чтобы религия соответствовала «природе бога», а не уподоблялась искусству⁹⁵. Кампанелла решительно расходился с «темными» кальвинистами, которые думают, будто священником может быть каждый⁹⁶. Изменение церкви — один из главных мотивов, возникший и в других сочинениях философа. Отрицая реформацию, проходившую в европейских странах, он предлагал свою, более радикальную и всеобъемлющую. В свете этих идей становятся более понятными и выступления Калабрийца против лютеран, кальвинистов и его призывы ко всем государям мира признать власть римского первосвященника.

В «Политических афоризмах» кратко очерчены и взаимоотношения между светской и духовной властью, в связи с чем возникла тема роли испанского короля в создании всемирной монархии. В то же время Калабриец отмечал ослабление испанской державы и предсказывал ближайший ее упадок. Если древнееврейскому государству помогал бог, римлянам — мудрость, то Испании способствовал один только случай⁹⁷. В результате

⁹⁰ Кампанелла Т. Город Солнца. С. 120.

⁹¹ Aforismi politici. A. 92. P. 121—122.

⁹² См., например: Ibid. A. 93. P. 122.

⁹³ Ibid. A. 81. P. 116.

⁹⁴ Ibid. A. 80. P. 116.

⁹⁵ Ibid. A. 82. P. 116.

⁹⁶ Ibid. A. 83. P. 116.

⁹⁷ Ibid. A. 75. P. 115.

⁸⁵ Aforismi politici. A. 84. P. 117.

⁸⁶ Ibid. A. 85. P. 117.

⁸⁷ Ibid. A. 86. P. 117—118.

⁸⁸ Ibid. A. 87. P. 112.

⁸⁹ Горфункель А. Х. «Город Солнца» и «Монархия Мессии...» С. 82.

христианская монархия клонится к тому, чтобы попасть в руки папы⁹⁸. Кампанелла всячески стремился обосновать приоритет духовного владыки. Римский первосвященник выступает у Кампанеллы в облике справедливого судьи. В жизни Европы он всегда играл важную роль, христианские государи привыкли к его верховенству. Он является арбитром в вопросах войны и мира, объединяя их против врагов христианства. Особенно возростала его власть благодаря поддержке со стороны светских правителей: вооруженная помощь делает папу непобедимым. Она особенно нужна сейчас, когда близится возникновение мировой державы. Ни один светский государь не в состоянии создать ее без помощи религии. Поэтому, убеждал Калабриец, исходя из политических задач, лучше помогать и покровительствовать Риму. Так возникла картина политического союза папы и светских государей, цель которого — осуществить программу «великого проповедника» Кампанеллы.

В афоризмах немало советов, касающихся правильной организации армии, предупреждений против наемников и кондотьеров, рекомендаций не позволять чужеземцам вмешиваться во внутренние дела государства⁹⁹. Выводы Кампанеллы вполне согласовывались с суждениями других политических мыслителей эпохи в том числе Макиавелли. Защищать свободу следует собственными силами, для чего обучать военному искусству надобно всех «Ни знать, ни народ не должны быть безоружными»¹⁰⁰. Армия состоящая из народа, многочисленна, сильна, непобедима, писал Кампанелла. Он предлагал создать военные школы, следовать примеру турок, которые постоянно обучают своих янычар. Словом, идея народной милиции, знакомая по «Городу Солнца» развивалась мыслителем и в «Политических афоризмах». В них содержится много конкретных советов (как избежать солдатских мятежей, как добиться того, чтобы армия любила государя и т. д.). При этом иные из них явно перекликаются с рекомендациями Макиавелли.

Об отношении Калабрийца к Макиавелли следует сказать особо. В «Политических афоризмах» немало выпадов против Макиавелли и макиавеллистов. В то же время в собственных построениях Кампанелла, как мы неоднократно отмечали, и этот факт давно установлен в литературе¹⁰¹, часто приближается к нему. Именно так звучит, к примеру, афоризм, в котором дается совет награждать подданных самолично, а вершить кару — чужими руками, уничтожать вождей завоеванных земель, изменять там законы, истреблять королевский род, обращать покоренных в свою веру, а если они будут противиться, делать рабами и выселять, умело располагать колонии в захваченных странах, дабы держать под контролем всю оккупированную территорию.

⁹⁸ Ibid. A. 80, 89—90. P. 120—121.

⁹⁹ Ibid. A. 118—123, 139—142. P. 130—131, 136—137.

¹⁰⁰ Ibid. A. 138. P. 138.

¹⁰¹ См. указ. труды Дентиче д'Аквадия. Де Маттеи и др.

городам присваивать новые названия и т. д. и т. п. В сочинении последовательно проводится принцип «разделяй и властвуй». Таким образом, несмотря на декларацию своего несогласия с бывшим секретарем флорентийской республики, Кампанелла не только заимствовал у него ряд рецептов и советов, но, по существу, разделял многие положения его политической теории (и прежде всего о соотношении религии и политики).

Обращает на себя внимание наличие в сочинении экономических экскурсов. Кампанелла задумывался над тем, в какой мере должны быть развиты земледелие и скотоводство, дабы обеспечить народу жизнь в счастье и довольстве. Специальное внимание уделено фискальной проблеме. Как отмечалось выше, одной из основ благополучия государства Калабриец считал общественное богатство. Он советовал государю постоянно пополнять государственную казну, бороться с произволом и алчностью чиновников. Подробнее этих вопросов философ касался в специальном трактате «Об увеличении доходов Неаполитанского королевства».

«Политические афоризмы» богаты и другими мыслями. В них намечена целая программа действия против тиранических режимов (отмена пожизненных должностей, запрет издавать законы без общего согласия, организация института трибунов). В сочинении много примеров из жизни Италии и других стран. Немало внимания уделено географическим условиям, благоприятным для сооружения городов.

Таким образом, в 150 афоризмах изложены основные положения теории Калабрийца о государстве. Знакомство с ними позволяет сделать вывод о тесной связи Кампанеллы с культурой Возрождения, политическими теориями той эпохи, идеями гражданского гуманизма, натурфилософией. Политику он считал важной наукой (а не искусством, как полагал Макиавелли), в задачу которой входит глубокое изучение жизни общества и выработка мер для его совершенствования. Кампанелла стремился учесть многообразие условий развития политических структур, специфику места и времени, выступая при этом сторонником гибких методов действия.

И главное: всеобщее благо и справедливость провозглашены в афоризмах целью человеческого общежития. Истинное государство мыслится как содружество и братство, где царит равенство, общественное преобладает над частным, поддерживается единство имуществ и мнений¹⁰². Народ в нем просвещен и «облагорожен» правильным воспитанием, жизнь построена на научных основах, действует мудрое, соответствующее природе законодательство, которое стоит на страже интересов большинства, обязанности людей соответствуют их природным склонностям, а защита государства поручена всему народу. Конечно, «Политические афоризмы» ничего не говорят нам об общественной организации производства и потребления или о своеобразных се-

¹⁰² Aforismi politici. A. 103. P. 125.

мейных отношениях, чему уделено такое внимание при описании образа жизни соляриев. В свою очередь, в утопии Калабрийца отсутствуют многие рассуждения, в том числе о роли пап и светских государей в создании грядущей мировой державы. Объясняется это, видимо, не столько внутренними противоречиями автора, сколько разными целями его трудов. В «Городе Солнца» утопист изобразил, какими *должны быть* общественные отношения. В «Политических афоризмах» автор ставил целью изучение социально-политической *реальности* с тем, чтобы найти способ осуществления высокого идеала в новых условиях, когда он утратил надежду на прямой захват власти в Италии: «новый мессия», как называли его товарищи по заговору, был прочно заперт в каземате. В богатом историческом опыте Калабриец искал образцы, приближавшиеся к воображаемому. Отсюда изобилие примеров в афоризмах, а также некоторая противоречивость высказанных суждений, поскольку реальное и идеальное не совпадали. Намерение улучшить мир, дать полезные советы, направить человечество по верному пути — стержень данного произведения. Знакомство с ним убеждает, что мысли «вечного узника» не замыкались на Стило, Калабрии и Италии, он мечтал о всеобщем обновлении, единстве рода человеческого, о прекращении распри и войн и перенесении порядков соляриев на весь земной шар.

Но задача «Политических афоризмов» не ограничивалась только этим. На наш взгляд, Кампанелла предложил в них свою программу минимум, стремясь приблизить осуществление конечной цели. Впрочем, анализ одного произведения не дает основания делать окончательные выводы, необходимо, как мы уже отмечали, сопоставить рассматриваемое сочинение с другими трактатами Калабрийца. Это позволит сделать и более определенные выводы относительно дискуссий о его воззрениях.

В заключение отметим, что если говорить о политике, то в афоризмах Калабрийца не так много идей оригинальных, которые не встречались бы так или иначе в трудах древних мыслителей, у гуманистов, Мора, Эразма, Макиавелли, их последователей и противников. Но их сочетание, интерпретация — своеобразны. Кампанелла использовал весь арсенал достижений политической теории своего времени, усилил и сконцентрировал материал для обоснования своей концепции переустройства мира. В результате известные положения приобрели совершенно новое звучание.